

ГЛАВА 3. П. В. НИКИТИН — ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Подготовка нового штата

Едва ли не главным общим делом Никитина и Константина Константиновича была подготовка и проведение нового Общего штата Академии. Ограниченность штатных средств Академии стала давать о себе знать все ошутимее вследствие возрастающей дороговизны жизни и вызвала необходимость в постоянном ассигновании ей сверхштатных кредитов. Никитин вел деловую переписку с разными ведомствами по вопросам академической жизни и именно ему приходилось «умилительно-убедительными представлениями» доказывать безусловную необходимость новых и новых подачек для Академии. «И не знаешь, что лучше: сочувствовать или не сочувствовать тому делу, о котором хлопчешь, потому что успех редко сочувствию соответствует», — писал Никитин²²⁸.

Обсуждение нового академического бюджета началось в 1907 г., когда в Академии была образована специальная комиссия под председательством Никитина. Когда комиссия в 1908 г. занималась выработкой новых штатов, Ольденбург предложил проект создания на базе Химической лаборатории и Физического кабинета нового академического учреждения — Ломоносовского института, воспользовавшись приближавшимся 200-летием со дня рождения Ломоносова (в 1911 г.)²²⁹. «Престиж имени Ломоносова помог бы проведению новых штатов», — откровенно объяснял суть дела Никитин Константину Константиновичу²³⁰. В будущем на этот проект было потрачено много времени и сил (главным образом на поиск участка земли), но осуществлен он так и не был²³¹.

Между тем Государственная Дума при рассмотрении сметы Министер-

²²⁸ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 24. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 22.05.1903.

²²⁹ См. об этом подробнее: Ломоносовский институт // Императорская Академия наук. 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Пг., 1917. С. 102–106; Кольцов А. В. Проекты организации Ломоносовского института в Академии наук в начале XX в. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1965. С. 294–300.

²³⁰ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. 1908 г. Л. 37 об. –38. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 18.06.1908.

²³¹ Не увенчались успехом и попытки академика А. Е. Ферсмана вернуться к этому проекту в 1932 г.: Ферсман А. Е. Институт имени М. В. Ломоносова и задачи его учреждений. Л., 1932.

ства народного просвещения обратила внимание на крайнюю скудость штатных средств Академии; эти суммы были названы неприличными для учреждения, стоящего во главе всего русского научного дела. Вместе с тем было отмечено, что легкость получения сверхштатных ассигнований будто бы не располагала Академию «к хозяйственной сдержанности и предусмотрительности»²³².

В 1908 г. Академию наук и ее музеи посетила депутация членов Государственной Думы и пришла в ужас от того, в каком положении находятся национальные богатства. Немедленно был возбужден вопрос об улучшении их положения, «чтобы не понести неисчислимых убытков в случае, если бы эти музеи были уничтожены пожаром или наводнением»²³³. Удручающее впечатление на депутатов произвели и условия работы академиков. «Если вы посмотрите, — делился своими впечатлениями И. С. Ключев, — на обстановку, при которой приходится работать нашим академикам, то увидите, что положение академика не далеко ушло от положения сельского учителя»²³⁴.

Государственная Дума выразила пожелание, чтобы бюджет Академии стал определенным, устойчивым, обеспечивал все нужды Академии и избавил ее «от нехозяйственной привычки — ежегодно испрашивать сравнительно небольшие суммы для починки прорех и пробелов в ее сложном хозяйстве»²³⁵. Смета на 1909 г. по-прежнему носила «характер починок и подпорок давно не отремонтированного здания»²³⁶.

11 декабря 1908 г. было образовано Межведомственное совещание для пересмотра бюджета Академии наук под председательством президента Академии наук²³⁷. В состав совещания вошли представителями от Академии наук Никитин, Радлов и Чернышев, от Министерства народного просвещения товарищ министра Л. А. Георгиевский и делопроизводитель И. И. Дмитревский, от Министерства финансов С. Ф. Вебер и директор

²³² Доклад бюджетной комиссии по смете доходов и расходов Министерства народного просвещения на 1908 г. // Государственная Дума. Доклады бюджетной комиссии. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Стлб. 3306.

²³³ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 3. Столб. 2725. Заседание 98. 21.04.1909.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Доклад бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения на 1909 г. // Государственная Дума. Доклады бюджетной комиссии. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909 гг. Т. III. С. 19. № 82. § 4 по ст. 1.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Объяснительная записка к проекту общего штата Императорской Академии наук: ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 299. Л. 23–24.

Департамента государственного казначейства А. И. Николаенко и от Государственного контроля генерал-контролер Департамента гражданской отчетности А. И. Маликов.

В июне 1909 г. совещание образовало подкомиссию по разработке новых штатов Академии наук под председательством Никитина, которая к началу 1910 г. выполнила свою работу. Академия наук использовала все находившиеся в ее распоряжении средства и прежде всего влиятельный голос своего президента, чтобы ускорить прохождение проекта по высоким инстанциям. Константин Константинович был безотказен и, как мог, поторапливал с решением этого вопроса председателя Совета министров П. А. Столыпина. Обсуждение новых штатов в Совете министров состоялось 24 сентября 1910 г. На заседании присутствовали от Академии наук президент и вице-президент. Константин Константинович почти не говорил, а попросил Столыпина предоставить слово Никитину²³⁸.

Важным нововведением была отмена различия степеней академического звания (ординарного, экстраординарного академика и адъюнкта), предложенная в свое время Карпинским. Новый штат давал возможность привлечь в состав Академии представителей большего числа научных специальностей. Класс ординарных академиков оставался прежним — IV, а их содержание назначалось равным содержанию профессоров университетов, 6000 руб. в год с прибавкой 600 руб. «по званию академика».

На заседании возникла дискуссия по вопросу о содержании академиков, занимающих другие должности. Представитель Министерства финансов Вебер настаивал на том, чтобы в этом случае академики не получали за свое участие в трудах Академии особого вознаграждения. Более того, он высказался за запрет совмещения академической и преподавательской деятельности как вредного и нецелесообразного.

Совмещение исследовательской работы в Академии наук с чтением лекций в вузах было до этого времени обычной практикой: в Петербургском университете преподавали Лаппо-Данилевский, Ляпунов, Стеклов, Фаминцын, Шахматов, Никитин (до 1900 г.), в Горном институте — Чернышев, на Высших женских курсах — Бекетов и Сонин. В Академии наук никогда не оспаривалось право на совмещение академических обязанностей с профессорскими. Возражения вызывала возможность сочетать академическую деятельность с далекими от науки занятиями. «Служение науке даже в академической келье — дело не легкое, — говорил академик А. Н. Веселовский, — снаружи доносится песня Мефистофеля, зовущего к золотому тельцу, и мир пытается облобызать правду, посягая на ее чистоту».

²³⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 62. Л. 131. Запись 24.09.1910.

Правительство нередко само использовало академиков как высших правительственных чиновников. В 1899 г., вскоре после своего избрания в экстраординарные академики, кн. Б. Б. Голицын был приглашен министром финансов С. Ю. Витте на пост управляющего экспедицией заготовления государственных бумаг. Согласно правилам, это назначение должно было повлечь за собой сокращение Голицыну академического оклада вдвое (на 1500 руб.). Однако князь воспользовался своими связями и, в обход этого правила, добился сохранения полного академического содержания. Майков, бывший тогда вице-президентом, был очень расстроен случившимся и сообщил Константину Константиновичу о том, какое неприятное впечатление произвело это в Академии: «Между моими коллегами еще продолжают разговоры по этому инциденту, и еще не далее как на днях Веселовский выражал мне удивление, что князь принял должность по министерству финансов в то время, когда ему следовало бы усиленными учеными трудами оправдать свое академическое избрание»²³⁹.

В стремлении к высоким административным должностям в ущерб научным интересам упрекали и академика Латышева. Бывший помощник попечителя Казанского учебного округа, вскоре после своего избрания в 1893 г. в ординарные академики, Латышев становится вице-директором, в 1896 г. — директором департамента Министерства народного просвещения, а в 1898 г. он переведен в члены Совета министра, а с 1903 г. был директором Петербургского Императорского историко-филологического института²⁴⁰. Вступая за Латышева, его ученик А. В. Никитский, допускал, что Латышев «мог чувствовать себя призванным отдать хотя временно долг родному государству сверх того долга, который он уже оплатил учеными трудами. Могли влиять и просто житейские заботы: не обязан же каждый ученый быть Диогеном»²⁴¹. Большие нарекания вызывала деятельность

²³⁹ РО ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 67. Л. 331–331 об. Письмо Л. Н. Майкова Константину Константиновичу от 6.06.1899. Д. 332. В ответ на это президент написал: «Невзирая на привычку разочаровываться в людях, каждое новое разочарование действует на душу пренеприятным образом»: Там же. Л. 334. Письмо Константина Константиновича Л. Н. Майкову от 7.06.1899. Впоследствии Голицын стал председателем Ученого комитета Министерства земледелия.

²⁴⁰ Перед этим назначением Никитин писал Розену: «Кандидатом на должность директора Филологического института теперь чаще называют Латышева. Пожалуй, если высшее начальство не побоятся обременить его, то сам он не испугается и этой прибавки к своим должностям. Но в таком случае сильно обиженным сочтет себя Зелинский. Он как-то жаловался Зенгеру, что его постоянно обходят: деканства не предложили, а прямо назначили Платонова, в Академию не выбирают и в ученый комитет посадили Холодняка, а не его»: ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 22. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 3.05.1903.

²⁴¹ Заметки А. В. Никитского о В. В. Латышеве / Публ. В. П. Яйленко // ВДИ. 1972. Вып. 4 (122). С. 187.

Сони́на в качестве попечителя Петербургского учебного округа (об этом речь впереди).

В 1910 г. Никитин сумел отстоять право членов Академии преподавать в высших учебных заведениях. «Нет обязанностей более между собой сродных, — возражал он Веберу, — чем обязанности академика и обязанности профессора. Профессор высшего учебного заведения должен быть не только преподавателем, но и ученым исследователем. Задача Академии — служить объединяющим и организующим центром для научной работы, исполняемой многими учреждениями страны. Для выполнения этой задачи как нельзя более полезна близость связей Академии с высшим учебным миром. Исполнение сложных научных предприятий, требующих сотрудничества многих участников, облегчается для Академии тем, что некоторые из ее членов, состоя преподавателями высших учебных заведений, благодаря этому имеют возможность намечать, готовить и привлекать к работам по этим предприятиям молодых сотрудников»²⁴².

Никитин добился для таких академиков сохранения сокращенного оклада в 1800 руб. В качестве доводов он привел, например, тот, что в противном случае «Академия будет не вправе ни возлагать на них таких трудных и ответственных обязанностей, как заведование ее учеными учреждениями, ни обязательного для других академиков участия в ее изданиях, а во всех тех случаях, где возможно было бы разделение труда между академиком, состоящим только в Академии и академиком, имеющим постороннюю службу, первый должен будет всю работу брать на себя, так как естественная деликатность не позволит ему обременять товарища, труд которого ничем не оплачивается»²⁴³.

В сессию 1911–1912 гг. законопроект прошел через Государственную Думу, которая ввела в него положение, по которому должности службы Академии могли занимать женщины наравне с мужчинами, вплоть до должностей директоров научных учреждений. Весной 1912 г. проект поступил в Бюджетную комиссию Государственного совета, которая, в пику Думе, этому воспротивилась и внесла поправку, исключаящую пункт о праве женщин занимать административные должности, признавая это за чрезмерный феминизм. Теперь получалась, что ученая дама, занимая, например, должность академика по химии, не имела права быть директором Химической лаборатории. Академия, составляя основные положения

²⁴² ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 298. Л. 7. Протокол № 3 заседания высочайше утвержденного Межведомственного совещания для пересмотра бюджета Императорской Академии наук. 19 января 1910 года. На правах рукописи.

²⁴³ Там же. Л. 6 об. –7.

нового штата, не задавалась вопросом о возможности допущения женщин на должность академиков, но если это положение все-таки было принято, то, например, по мнению Никитина, следовало идти до конца²⁴⁴.

Дело принимало неприятный для Академии оборот. Если бы общее собрание Государственного совета приняло злополучную поправку, закон должен был бы пойти в согласительную комиссию для решения спора Думы и Совета. Дума же была распущена на каникулы, и законодательная волокита могла затянуться до сессии 1912–1913 г. Поэтому Академия мобилизовала все свои силы и связи, чтобы убедить большинство членов Государственного совета не голосовать за поправку Бюджетной комиссии. Главным образом благодаря своевременному вмешательству президента Академии нелепая поправка исчезла из законопроекта²⁴⁵. 25 июня 1912 г. Никитин поздравил Константина Константиновича с великим успехом его забот об Академии, для которой его «заступничество в самый критический момент было истинным спасением»²⁴⁶.

В окончательном виде новый штат Академии наук был утвержден Государственной Думой 5 июля 1912 г. Число штатных единиц было определено в 153, из них 55 академиков, а бюджет Академии доведен до 1007159 руб.²⁴⁷ Все действительные члены Академии, состоявшие ко времени введения в действие нового штата в звании экстраординарных академиков и адъюнктов, подлежали переименованию с 1 июля 1912 г. в звание ординарных академиков.

На фоне этой блестящей победы Академии наук могли показаться пустыми и ничтожными некоторые затруднения, без которых редко обходились отношения Академии с Министерством народного просвещения. Общее собрание на заседании 1-го сентября обсуждало, каким способом

²⁴⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 48–48 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 19.06.1912.

²⁴⁵ Стенографический отчет. Государственный совет. Сессия VII. Заседание восьмидесятое. Пятница, 22 июня 1912 г. // Государственный совет. Стенографические отчеты 1911–1912 годы. Сессия седьмая. Заседания 1–81 (15 октября 1911 г. — 25 июня 1912 г.) СПб., 1912. Стб. 5450–5463.

²⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 51. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 25.06.1912.

²⁴⁷ Уже в конце 1912 г. Академия наук могла похвастаться первой жатвой. «Заканчивая академический год, — докладывал П. В. Никитин президенту, — Правление Академии оказалось ныне в таком благоприятном положении, какого давно не испытывало: мы смогли уплатить без остатка, без переноса на следующий год, все расходы общего хозяйства Академии, допустили даже маленькую роскошь: купили ковер, покрывавший в день акта всю длину нашей парадной лестницы, и после этого все еще осталось в сбережении несколько тысяч в помощь нашим ученым учреждениям»: Там же. Л. 1 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 30.12.1912.

экстраординарные академики могли быть произведены в звание ординарных. На первых порах Никитин и некоторые другие академики держались мнения, что потребуется полная процедура выборов, но потом все собрание склонилось к постановлению, которое особенно убедительно защищал Сонин: после упразднения различия степеней академического звания неуместны были бы и выборы из одной степени в другую. Раз должности экстраординарных академиков упразднены, то производство выборов было бы равнозначно с решением вопроса: оставляется ли Академией избираемый в ее составе, или должен покинуть ее; а те лица, которых дело касается, не дали повода ставить такой вопрос.

Министерство народного просвещения, основываясь на одной темной части закона об установлении нового штата, в конце декабря 1912 г. стало настаивать на переутверждении всего личного состава Академии²⁴⁸. Академиков взволновало это заявление, и они поручили Никитину провести личные переговоры с министром народного просвещения Л. А. Кассо.

Никитин сообщил президенту Академии о размолвках с министром и абсурдности его требований: «Закон предписывал бы то, что сам делал бы невыполнимым: предписывал бы производство выборов, для которых при таком понимании закона не было правоспособных избирателей. Министерство утверждает, что для повторного назначения академиков новые выборы не нужны, а достаточно нового утверждения. Но это натяжка и противоречие Уставу Академии, по которому утверждаются избранные; утверждается избрание, а если не было нового избрания, то нет места и новому утверждению. Некоторые из академиков и многие из посторонней публики подозревают, что Министерство желает при представлении кое-кого обойти. Я не могу поверить, чтобы оно подготовляло Академии катастрофу подобную той, которая настигла Московский университет. В некоторых газетах были сообщения, имевшие такой смысл, как будто Академия постановила обратиться по этому поводу к Вашему Императорскому Высочеству. В конференции при обсуждении этого дела высказывалось (конечно, неофициально), как хорошо было бы, если бы президент Академии пользовался положением главноуправляющего отдельной частью, и Академия таким образом свободна была бы от всякого подобия подчинения Министерству... Досадно только, что и мне и другим академикам приходится

²⁴⁸ Это требование Кассо было своеобразной мстостью Академии за ее выступление в 1911 г. против проекта правительства, последовавшего вскоре после разгрома Московского университета, организовать в Тюбингене институт подготовки лояльно настроенных по отношению к правительству русских профессоров по естественным наукам. 20.05.1911. на заседании Общего собрания академик Чернышев читал проект обращения Академии по поводу министерской меры.

тратить время и внимание на эти измышления бюрократической схоластики. Простите, Ваше Высочество, что докучаю Вам такой архискучной материей»²⁴⁹.

Пререкания с Министерством народного просвещения закончились благополучно, и при личных объяснениях с министром в феврале 1913 г. вице-президенту Академии было заявлено, что министр не будет настаивать на требованиях переутверждения академиков и вообще всех служащих, занимающих такие должности, классы которых новым штатом не были изменены²⁵⁰.

Благодаря новому штату уже в течение 1913–1914 гг. Академия наук пополнилась новыми членами: в академики были избраны химик Н. С. Курнаков, геолог Н. И. Андрусов, ботаник В. И. Палладин, историк древнерусской литературы В. Н. Перетц, историк В. С. Иконников (по ОРЯС). На Историко-филологическом отделении в 1913 г. открылось пять вакансий академиков. Отделение единогласно решило поделить их между тремя разрядами таким образом: одну предоставило восточникам, одну — классикам, три — разряду историко-политических наук.

Представляя кандидатов ИФО на одобрение президента Академии, Никитин дал краткую характеристику каждого из них: «Восточники имеют и твердо намеченного кандидата. Это Василий Владимирович Бартольд, доктор по истории Востока, ординарный профессор здешнего восточного факультета и член-корреспондент Академии. Представляя его два года назад к избранию в это последнее звание, наши ориенталисты отзывались о нем как о первом в настоящее время знатоке истории среднеазиатских народов. Его труды относятся главным образом к этой области, а также к исторической географии, археологии и нумизматике Средней Азии. Человек он образованный и благовоспитанный. Его работы не только полны редкой и основательной учености, но и хорошо написаны. Восточники поручили мне испросить на его избрание согласие Вашего Императорского Высочества. Полагаю, что Вы ничего не будете иметь против избрания из сверхштатных в штатные ординарные академики лично Вам известного Федора Ивановича Успенского, намеченного в первую очередь к выборам по разряду историко-политическому.

Несомненно, что значительным неудобством оказывается отсутствие в составе Академии достаточно авторитетного специалиста западно-европейской истории. Чтобы восполнить этот пробел, представители того же

²⁴⁹ Там же. Д. 36. Л. 2–3. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 30.12.1912.

²⁵⁰ Там же. Л. 6 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 11.02.1913.

разряда (А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов и И. И. Янжул) предполагали бы обратиться с вопросом к теперешнему Оксфордскому, а прежнему Московскому профессору Павлу Ивановичу Виноградову, не согласится ли он покинуть Англию для Академии. Кажется, не может быть спора о том, что из русских ученых, занимающихся историей Западной Европы, это самый ученый и талантливый. Значение его трудов по внутренней истории Англии было высоко оценено там, где лучше всего могут о них судить; выражением этой оценки послужило его приглашение в профессора оксфордского университета. Не может он почитаться человеком опасным из-за того, что добровольно, без дальнейших демонстраций покинул Московский университет, когда там по известному поводу отставлены были ректор, помощник ректора и проректор. В эпоху волнений ни в какой политической роли он, насколько мне известно, не выступал, а при личных сношениях производит впечатление человека чрезвычайно сдержанного и корректного. От роду ему должно быть лет 50 с порядочным лишком. В члены-корреспонденты Академии он был избран еще по рекомендации покойного В. Г. Васильевского. Не пришли еще историко-политики к соглашению о том, каков должен быть их третий кандидат: юрист или историк. Мы, классики, выжидаем пока их решения, так как не исключена возможность, что они предложат к избранию специалиста по истории греко-римской»²⁵¹. Все предложенные кандидаты были избраны, четвертую вакансию занял академик по государственному праву М. М. Ковалевский²⁵².

²⁵¹ Там же. Л. 10–11 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 8.03.1913.

²⁵² По просьбе И. И. Янжула Никитин представил президенту кандидатуру Ковалевского, выразив при этом некоторые свои опасения: «Максим Максимович множеством разнообразнейших ученых трудов приобрел очень громкую и широкую репутацию. При личных сношениях производит впечатление человека образованного, любезного, благожелательного. А все же я не уверен в том, что если он подвергнется избранию в академики, то непременно будет избран. Его труды не свободны от некоторых таких недостатков, о которых специалисты истории и филологи склонны судить значительно строже, чем юристы и государственеды. Поэтому может случиться, что при баллотировке в Отделении число избирательных шаров окажется менее двух третей числа избирателей, т. е. менее семи, и кандидат Ивана Ивановича будет забаллотирован. Высказываю это предположение отнюдь не для того, чтобы как-нибудь прогнать или прогнать исполнению просьбы Ивана Ивановича. Правила об академических выборах, требуя, чтобы всякое предложение о кандидатах на звание действительного члена Академии было бы до внесения в Отделение представляемо на одобрение президента, вместе с тем допускают баллотирование на одну и ту же вакансию нескольких кандидатов, из которых выбранным оказывается в конце концов один, а остальные, хотя также «одобренные» президентом, забаллотировываются. Следовательно (да, конечно, и по здравому смыслу так выходит): президент одобряет кандидата не в том смысле, что признает его непременно подлежащим избранию, а лишь в том, что не встречает препятствий к его избранию»: Там же. Л. 55. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 27.12.1913.

Что касается избрания классика, то оно по каким-то причинам тогда не состоялось. Выборы прошли уже после смерти Никитина, в начале 1917 г., когда вакансий было две. Латышев представил к избранию ученика Петра Васильевича М. И. Ростовцева и своего собственного ученика — А. В. Никитского, и они оба были избраны.

К истории академических учреждений

Библиотека

К началу XX в. особую остроту приобрела проблема расширения помещений академических учреждений. Основная их часть находилась на Стрелке Васильевского острова: в Кунсткамере и прилегающем к ней здании на Таможенном переулке, в главном здании Академии наук и «Музейном флигеле». В главном здании Академии наук и сейчас в первоначальном виде сохранились большой и малый конференц-залы. В малом конференц-зале проходили Общие собрания академиков и заседания отделений. В парадном двухсветном большом конференц-зале (занимающем половину здания) устраивали торжественные заседания Академии наук, привлекавшие большое стечение народа. В 1910 г. в большом конференц-зале был установлен диплодок, поднесенный в подарок Николаю II Э. Карнеги²⁵³. На втором этаже находились кабинеты президента, вице-президента и постоянного секретаря, здесь же сидели канцелярские служащие. Из научных учреждений в главном здании размещались Физический кабинет, Славянский отдел библиотеки, археологический отдел Этнографического музея, Архив Академии наук, а также несколько квартир академиков и сотрудников Академии²⁵⁴. Большая часть квартир располагалась в «доме академиков» на углу 7-й линии и Николаевской набережной²⁵⁵. Академическая типография и сейчас находится на углу 8-й линии Васильевского острова и Большого проспекта.

В здании Кунсткамеры размещалась Библиотека и хранилась часть коллекций Музея антропологии и этнографии. Библиотека, основанная в 1714 г. под названием «Императорская библиотека», была старше Академии наук и стала академической в 1726 г. В 1841 г. с учреждением Отделения русского языка и словесности в библиотеке были образованы

²⁵³ Там же. Д. 33. Л. 28.

²⁵⁴ Первоначально главное здание предназначалось для квартир академических служащих, «магазинов» (складов) и книжной лавки.

²⁵⁵ Князев Г. А. Дом академиков // Альманах «Белые ночи». Л., 1974. С. 79–92.